

«Татары» в представлении Запада и образ «татар» или «тюрко-монголов» на материале средневековых источников: причины контраста

В последние десятилетия в европейской историографии появляются исследования, посвященные образу тюркских народов, прежде всего татар, представляемых в коллективном сознании Запада как «чужие» [Schmieder, 1994, 2000, 2001; Osterhammel, 1998; Wakounig, 1992; Jobst, 2007; Osterrieder, 2005 и др.]. Это связывается прежде всего со страхом, который произвели на европейские государства штурмующие орды Чингиз-хана и его наследников (так, битва при Легнице 9 апреля 1241 г.), так глубоко осевшем в историческом сознании европейских народов, что он до сих пор время от времени дает о себе знать. Недавно в Институте Тюркологии Свободного университета Берлина была защищена диссертация на тему «Иконография страха: изменение образа татар в коллективном сознании немцев» [Hotopp-Riecke, 2011], автор которой на примере образа «татар» исследует явление передачи установившегося когда-то в массовом сознании образа «чужого» народа в коллективное сознание следующих поколений под влиянием историографии и художественной литературы и воздействие этого явления на такие феномены как национализм, ксенофобия, исламофобия. Научная работа начинается одним эпизодом, когда приезд в Германию «новых русских» олигархов был встречен словами «Идут русские!», что ассоциировалось с явлением «Идут татары!» [Hotopp-Riecke, 2011, s.4], то есть дикие орды, замаскированные под миллионеров, идут громить Запад, неся с собой водку и другое бескультурье [Там же].

Еще одним примером сохранения негативного отношения Запада к пришедшим в XIII веке в Европу «татарам» до сегодняшнего дня является существование там особого сорта говяжьего фарша, называемого «*Tatar*» (в Германии) или «*steak tartare*» (во Франции), что связывается с тем, что азиатские кочевники, судя по рассказам средневековых западных авторов (к примеру, Ганса Шильтбергера), питались сырым мясом [Paczensky, 1994, s.510], что дополняло отрицательный, можно сказать, «нечеловеческий» образ тюрко-монголов.

Каковы же причины таких стереотипов, этого страха перед пришельцами из Азии? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к источникам: как они представляют этих степных кочевников, называемых традиционно «татарами», пришедших в Восточную Европу в первой половине XIII века и осевших там на века. Действительно ли они, как дикие полчища, навевали только страх? Или были и другие представления о них? Как описывались «татары» в западных источниках (под Западом мы имеем ввиду западные по отношению к «тюрко-монгольским» ханствам государственные образования, то есть и русские княжества) и менялся ли со временем их образ? В данной статье в результате обзора отдельных средневековых письменных источников XIII – первой половины XVI века мы попытаемся ответить на этот вопрос¹.

Перед тем, как перейти к основной теме, коротко остановимся на вопросе названия этой коалиции кочевых племен, пришедших под предводительством монголов в Европу в XIII веке. Традиционные для историографии названия «татары», «татаро-монголы» или «тюрко-татары», являются, на наш взгляд, не совсем удачными, так как, во-первых, они не отражают истинного этнического состава этих пришельцев и населения Улуса Джучи, правящая верхушка которых, как известно, была монгольской, основная же их часть состояла из различных этнических групп [Кычанов, 2002, с.76–81], в основном же, из тюркских племен². Во-вторых, этноним «татары» вызывает ошибочную ассоциацию

¹ Теме представления о тюрко-монголах в древнерусской литературе середины XIII – XV века посвятил свою монографию В.Рудаков. В результате анализа источников историк приходит к выводу, что это представление не было застывшим, оно на протяжении указанного периода менялось. Автор, правда, берет за основу образ тюрко-монголов в источниках в качестве врагов, который, безусловно, доминирует в русских источниках, и рассматривает изменение отношения Руси к этому врагу: безропотный страх и безнадежность спасения перерастает в осознание возможности борьбы с ним, который оказывается не всесильным [Рудаков, 2009]. Нашей целью является анализ образа тюрко-монголов в целом.

² Это мнение было высказано Б.Грековым, А.Якубовским, М.Сафаргалиевым, Г.Федоровым-Давыдовым, В.Егоровым, Д.ДеВизе, Й. фон Хаммер-Пургшталем, Б.Шпулером и поддержано М.Усмановым [Усманов, 2002, с.102].

тех пришельцев из Азии с современными татарами, что негативно влияет на образ последних, представляющих этнос, сформировавшийся на протяжении столетий в результате смешения, в большей части, тюркских и финно-угорских племен и унаследовавший от монголов (благодаря европейским, русским и восточным источникам) лишь имя «татары» [Кычанов, 2002, с.82]¹. Как известно, этноним «татары», служивший в средневековье в разное время для названия разных тюркских или монгольских племен или коалиции племен центральной Азии, позже был просто перенесен на орды Чингиз хана и его потомков, а в последствие и на всенаселение монгольской империи [Путешествия, 1967, с.114–115 и др.], но чаще Улуса Джучи и образовавшихся после его распада государств [Исхаков, Измайлов, 2007, с.77–80]. Европейцы же нередко называли «татар», переосмысливая этот этноним, близким к нему по звучанию именем «тартары», имеющим весьма негативное значение, а именно *вышедшие из ада* (из греч. *Tartaros*, латин. *Tartarus*) [к примеру, *AnnalesPolonorum*, 1961, s.804], что глубоко врезалось в общественное сознание европейских народов [Матузова, 1979, с.137, 148, 153, 157, 207; Дробинский, 1948, с.125–127]. Поэтому более корректным было бы использование для вышеупомянутых степных пришельцев, а также населения Улуса Джучи, а возможно, и образовавшихся после распада Золотой Орды ханств, правители которых должны были быть чингизидами, а следовательно, монгольского происхождения «тюрко-монголами». Этот этноним использовался и продолжает применяться отдельными авторами [Schmidt, 1881; Vajda, 1999].

Впервые Русь встречается с «тюрко-монголами», которые были названы «татарами», в 1223 году в битве на Калке, когда пришедшие на помощь половцам русские войска терпят полное поражение со стороны этих еще неизвестных им, пришедших из степи кочевников. Какой же образ «татар» создала у русских эта первая встреча с ними: «В то же лѣто (6732. – И.М.) прїйде неслыханаа рать: безбожнїи мовитяне, рекомыи татарове, прїйдоша на землю Половецкую» [Лаврентьевская, 2005, с. 89]. «Того же лѣта (6731– И.М.) явишася языци, ихже никтоже добрѣ ясно не вѣсть, кто суть и отколѣ изидоша, и что языкъ ихъ, и которого племени суть, и что вѣра ихъ; и зовут я Татары, а инии глаголють Таумены, а друзии Печенѣзи...» [Лаврентьевская, 2005, с.423; Новгородская, т.10, с.61], которые многие страны и народы попленили, побили [Лаврентьевская, 2005, с.424; Новгородская, т.10, с.61].

Авторы самих ранних сообщений об этом столкновении, дошедших до нас в составе Новгородской первой летописи старшего извода, Лаврентьевской и Ипатьевской летописей [Рудаков, 2009, с.20]² не имеют понятия об этих пришельцах с Востока и задаются вопросами: «Кто они, эти татары, таурмены или печенеги – откуда они родом, на каком языке они говорят и какому богу преклоняются, зачем они пришли на Русь?». Причину нашествия авторы хроник видят в грехах русских и отсутствии единства среди русских князей.

Летописцы сообщают и о двух «татарских» посольствах к русским, предшествовавших битве на Калке: первые послы тюрко-монголов пытаются уговорить русских отказаться от помощи «поганым» половцам, которых они называют своими холопами, и заявляют, что они пришли к русским с миром и не собираются с ними воевать. Русские же послов «избиша» [Новгородская, т.10, с.62]. Монголы же присылают еще одно посольство, которое тоже не достигает своей цели [Там же]. Таким образом, образ «татар», представленный в рассказе невозможно характеризовать как отрицательный; как раз наоборот, русские, которые убили послов, не имевших ничего против русских, а попытавшихся с ними договориться, описаны с некоторой обвиняющей нотой. По мнению В. Рудакова, автор

¹ Проблема этногенеза современных татар была основательно исследована Д.Исхаковым, И.Измайловым и др. [Исхаков, Измайлов, 2007] (см. также список литературы в указанной монографии), однако продолжает оставаться дискуссионной. Вышеназванные историки называют пришельцев из Монголии не «монголами», а «татарами». При этом они на основе анализа источников заключают, что этнонимы «татары» и «монголы» использовались в них чаще как синонимы. Хотя указывается, что монголы не называли себя татарами [см.: Кляшторный, 1993, с.140–141], а заставляли покоренные ими народы так именовать себя. Отдельные же авторы средневековых источников конкретно различают эти два этнонима как названия двух разных народов (или племен), один из которых (татары) были подчинены другим (монголами) [Исхаков, Измайлов, 2007, с.169–180].

² О времени создания их первоисточников историки высказывают различные точки зрения [Рудаков, 2009, с.19–44]. По мнению Д.Лихачева и В.Рудакова, первоисточник рассказов о событиях на Калке из Новгородской первой летописи старшего извода и Лаврентьевской летописи был написан еще до нашествия Батые – в 1223–1228 годах [Лихачев, 1949, с. 22–23] или во второй половине 20-х – первой половине 30-х годов 13 века [Рудаков, 2009, с.26]. Рассказ же, вошедший в Ипатьевскую летопись, был написан 20–30 лет позже. Однако, как замечает В. Рудаков, это только предположение, с уверенностью можно лишь сказать, что эти рассказы появились не позже рубежа XIII–XIV веков [Там же].

летописи даже симпатизирует татарам по сравнению с половцами, к которым он настроен очень негативно, называя их «оканьнии» [Там же], и связывает эту симпатию к незнакомому народу с тем, что летописец рассматривает нападение тюрко-монголов на половцев как наказание богом этих «безбожников», сотворивших много зла Русской земле и проливших кровь христианскую [Рудаков, 2009, с.19–44]. Составитель же рассказа об этих событиях из Лаврентьевской летописи относится к появлению незнакомому народу, по мнению В. Рудакова, нейтрально-сочувственно [Там же, с.39]. Настроение же сообщения о битве на Калке из Ипатьевской летописи, как совершенно справедливо замечает историк, отличается от вышеописанных рассказов, что можно объяснить более поздним временем его создания (то есть после монгольского штурма русских земель, когда уже в массовом сознании сформировалась ненависть к захватчикам. – *И.М.*): если монголы в ранних рассказах не называются «безбожниками», то в Ипатьевской летописи они определяются крайне негативно как «неслыханная рать безбожнии Моавитяне, рекомьи Татаръве» [Там же, с.41, 44].

Во второй раз эти кочевники возвращаются в Восточную Европу в 1236 году и штурмуют ее до 1241 года, подвергнув всю Европу в великий страх и ужас своей силой и жестокостью. В 1237 году они доходят до русских земель. События изображаются в летописях более драматично: «татары» сеют всюду страх: «...и тако погании взяша градъ Торжекъ, и иссѣкоша вся отъ мужеска полу и до женска, иерѣйскый чинъ и чернецкый, а все изобнажено и поругано...» [Лаврентьевская, 2001, с.494; Новгородская, т.10, с.75–77]¹. Завоеватели уже называются «кровопролиятець крестьяньскыя крѣви», то есть ассоциируются с половцами. Они воспринимаются как невиданные доселе злые дикие варвары, сыроеды, безбожники, окаянныя кровопийцы, пришедшие с Востока, чтобы жечь, с особой жестокостью убивать всех от мала до велика, опустошать все на своем пути, в том числе и святые места, монастыри и церкви. Причем борьба русских с ними представлена летописцами как борьба против безбожников, за веру христианскую православную.

Хотя, как отмечает М.Покровский, разорение, опустошение захваченных территорий было свойственно не только тюрко-монголам: русские князья и сами нападали на соседние русские территории, опустошали их, следуя старой русской традиции, и угоняли население в плен [Покровский, 2005, с.61–62]. Таким образом, жестокость по отношению к населению соседних территорий была свойственна в средневековье не только тюрко-монголам. Правда, монголы разоряли захваченные территории особенно жестоко, прежде всего города, приследуя при этом цель, ослабить эти земли, чтобы впоследствии сделать их зависимыми и заставить платить дань [Там же, с.96–97].

Тюрко-монгольская армия через русские территории продвигалась дальше на запад, разоряя земли Восточной Европы (Силезию, Моравию, Польшу, Чехию, Венгрию, Сербию, Болгарию). Польские хронисты так же трагично описывают эту картину: «Тартары» вторглись в Краков, сожгли церкви, истребили население, не различая возраста и пола. Затем они дошли до Силезии, одержали победу над армией герцога Генриха, убив практически всех. После поражения Польши монголы через Венгрию ушли в свои земли, оставляя весь мир в страхе перед их жестокостью, которая вместе с их безбожностью сделала их непобедимыми [Annales Polonorum, 1961, s.804].

Как же воспринимаются тюрко-монголы в качестве сюзерена русских княжеств: «Въ лѣто 6751. Великий князь Ярославъ поѣха в Татары к Батыеву, а сына своего Костянтина посла къ Канови; Батый же почти Ярослава великою честию, и мужи его, и отпусти, рекъ ему: «Ярославе! Будь ты старѣй всѣмъ княземъ в Русскомъ языкѣ». Ярославъ же възвратися в свою землю, с великою честию» [Лаврентьевская, 2001, с.447; ПСРЛ, 1846, с.201]. В этих строках нет и следа ненависти, презрения к завоевателям, которые оказались вполне цивилизованным народом, имеющим свое государство, своего правителя, власть которого в принципе была акцептирована русскими князьями, которые идут к великому хану – Хакану в Каракорум (позже уже было достаточно одного визита к хану Золотой Орды в Сарай), чтобы подтвердить свои полномочия получением ярлыка. Автору приведенных выше строк свойственно даже уважение к монгольским ханам, которые выдают князьям ярлыки, показывая тем самым им свое доверие и симпатию. Слова хана звучат как благословение Ярослава на великое княжение.

¹ Если время создания рассказа о нашествии Батые, вошедшего в Ипатьевскую летопись, установлено точно – это середина XIII века, то о времени написания рассказов из Лаврентьевской летописи и Новгородской первой летописи старшего извода среди историков нет единого мнения. Согласно В. Рудакову, они относятся самое позднее к началу XIV века. Таким образом, самые ранние сообщения русских источников о нашествии Батые на Русь были написаны не очевидцами событий, их ранними потомками [Рудаков, 2009, с.55].

Естественно, роль играл и тот важный факт, где составлялась летопись, в каких отношениях состоял князь того или иного княжества с монгольским ханом.

Конечно, не все русские князья были отпущены монголами назад с честью: в 1246 году умирает в Каракоруме, возможно, отравленный великий князь Ярослав. В Золотой Орде несколько раньше происходит еще более трагическое событие: за отказ пройти ритуал очищения огнем был казнен Михаил Черниговский и его боярин Федор и т.д. Сообщения летописцев полны драмы: Михаил Черниговский дерзко отвечает Батыю: «Аще бы ся ны есть предадь и власть нашу, грѣхъ ради нашихъ во руцѣ ваши тобѣ кланяемься и чести приносимъ ти; а закону отецъ твоихъ и твоего благочестивому повеленію не кланяемься» [Галицко-Волынская, 2005, с.113]. В этих строках автора проступает уже другое настроение русских князей, вынужденных терпеть это унижительное для них подчинение хану, что однако небезгранично. Историки высказывают разные точки зрения по поводу причины этой жестокой казни [Кривошеев, 2003, с.322–328]. Она, скорее всего, не была связана с вероисповеданием Михаила. Монголы, как известно, были не только веротерпимы [Голубинский, 1977, с.14–49], но и представляли религиозным институтам льготы, освободив их от налогов, преследуя при этом свои цели: хан таким образом получал в лице церкви поддержку своей власти, которую нельзя было долго удерживать только силой [Покровский, 2005, с.133–136]. Причиной казни могла быть месть за убийство монгольского посла по приказу Михаила в 1239 году, что подтверждает Плано Карпини, сообщая, что монголы не прощали неуважительного обращения с их послами или их убийства и не успокаивались до тех пор, пока не отомстят [Голубинский, 1977, с.42–48]. Или же причиной смерти Михаила стало его неуважительное отношение к вере монголов, так как сами они были веротерпимы и запрещали унижение других религий под страхом смертной казни¹. И вполне естественно, что того же они ожидали и от представителей иных вероисповеданий в отношении к своей вере [Голубинский, 1997, с. 42–48].

Другой францисканский монах Гильом де Рубрук, посетивший монгольских ханов в 50-х годах XVII в., подтверждая факт веротерпимости монголов, рассказывает о приеме Батыем в один из праздников представителей разных вер, которые чествовали хана и поднимали за него свои бокалы. Очевидец заявляет, что Батый хотел, чтобы все они за него молились, он относился к духовным лицам так, что каждый чувствовал себя более приближенным к хану, чем остальные [Цит. по: Голубинский, 1997, с.19, 41]. Об уважительном отношении монгольских ханов к христианам сообщают и армянские источники: Гуюк хахан (1246–1248), к примеру, одарил посольство из Киликии и выдал им грамоту, освобождавшую все церкви, монастыри и христиан от уплаты дани [История, 1871, с.18, прим. 35, 80].

Для создания более объективного образа монгольских ханов приведем еще одно сообщение о Батые персидского автора Джувейни, описывающего его как очень щедрого хана, который покупал все товары, привозимые ему купцами из разных стран, платя за них в несколько раз больше, чем они стоили [Тизенгаузен, 1941, с.21–22].

Образ «татар», создаваемый на основе этих последних источников, весьма отличается от ранее приведенных: эта картина далека от образа диких кровопийцев и жестоких убийц, монгольские ханы предстают как вполне цивилизованные и даже великодушные правители, возможно, даже своей религиозной толерантностью более совершенные, чем властители западных христианских государств.

По сообщениям русских хронистов, монгольский хан выступает, в основном, как представитель высшего органа власти, который не только подтверждает полномочия русских князей, но и является высшей судебной инстанцией, к которой обращались русские князья со сложными исками и у которой искали помощи, в том числе и военной, во время междоусобиц и в борьбе против внешнего врага, и получали ее, если, разумеется, это монголам было выгодно. Так, «Въ лѣто 6778. ... а Ярославъ нача полкы копити на Новѣгородѣ, и бѣ послалъ къ цесарю татарьску Ратибора, помочи прося на Новѣгородѣ» [Новгородская, 2001, с.88]. В тоже время русские князья должны были выступать в военные походы по требованию хана или местного монгольского правителя против его врагов (Венгрии, Литвы, Польши и др.).

Таким образом, отношения между монгольскими и русскими правителями, а позже и литовско-польскими, перерастают в каком-то смысле в союзнические. Так, в одном из писем от 3 декабря 1340 года епископы сообщают кардиналу о том, что из достоверных источников стало известно, что татар-

¹ См. ярлык Менгу Тимур митрополиту Кириллу [Приселков, 1916, с.58–59, 95–98].

ский император вместе со своими вассальными королями литовцев и русских собирается напасть на Пруссию, Курляндию и Ливонию [Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch, 1855]. В 1348 г. литовский князь обращается к хану Джанибеку с просьбой предоставить ему военную силу. Джанибек, правда, выдает литовских послов Семену Гордому, решая конфликт в пользу своего вассала [Приселков, 2001, с.369], однако это событие показывает как высок был международный авторитет государства тюрко-монголов. С другой стороны, как отмечает М.Вайерс, здесь демонстрируется и неприступность власти хана [Weiers, 1980, s.362], которая продолжает сохранять большую силу, жестоко мстя за непослушание. Вспомним хотя бы акт мести в Твери в 1327 году [Лаврентьевская, 2001, с.503].

В XIV веке имя «татар» все чаще фигурирует в сообщениях, связанных с Литвой и Польшей. Так, в «западно-русских» летописях, надежность которых как исторических источников, правда, ставится под сомнение, под 1321 годом упоминается участие в военных действиях против Немецкого Ордена русских и татар на стороне Литвы [Хроника, 1875, с.35–37]. Тюрко-монголы, воевавшие на стороне Польши в Грюнвальдской битве [Хроника, 1875, с.78–80; Хроника Быховца, 1975, с.150] против Тевтонского Ордена, заслужили у литовцев и поляков почет и уважение за их храбрость.

Большой интерес для создания объективного образа тюрко-монголов на основе источников представляют сообщения о «литовских татарах», то есть тюрках, переселившихся из Улуса Джучи в Литву. Западные источники сообщают под 1324 годом о встрече миссионерами Ордена в Литве скифов, переселившихся сюда из земель хана и молившихся по-азиатски [Исследование, 1957, прим. IV, 54]. По мнению Мухлинского, здесь речь идет о первых «татарах» – переселенцах в Литву из Улуса Джучи, которые с этого времени все чаще принимают участие в войнах Польши-Литвы против Ордена [Там же, с.7–8]. Особо интенсивным было это переселение в конце XIV века, во время похода Аксак Тимура (1391 год), о чем сообщает османский историк Ибрагим Печеви, живший в XVI–XVII веках [Taḡīh-i-Ṛeṣevī, 1980, s.473–475]. Часть их осела в Литве, интегрировалась, согласно сообщению одного литовского татарина под названием «Рисала-и татар-и лех» (1558 год), довольно быстро в литовское общество, благодаря усердию и трудолюбию, а также такому качеству, как уважение к соседствующему народу [Muchliński, 1858, s.241/1–269/29]¹.

Тесные связи между Золотой Ордой и Литвой-Польшей (уния с 1386) устанавливаются при правлении хана Тохтамыша (который сел на трон в Орде в 1380 г. и укрепил уже сильно пошатнувшуюся после победы русских князей над Мамаем власть), и литовского князя Витовта. До наших дней дошел составленный в 1393 г. ярлык Тохтамыша, передающий Литве полномочия над определенными территориями, бывшими в подчинении Золотой Орды, за которые Литва обязана была платить трибут [Оболенский, 1850, с.21–22]. Этот ярлык несколько раз возобновлялся последующими привилегиями Литвы-Польши и Крымского ханства, считавшего себя наследником Золотой Орды (до нас дошли тексты ярлыков от 1461, 1472 и 1507 годов [Gołębiowski, 1848, s.231–233; Акты, 1848, с.4–5], однако существовали и другие ярлыки). С Литвой связаны также имена ханов Джалал-Дина (сына Тохтамыша), Хаджи-Гирея, который, согласно источникам, был с литовской помощью посажен на престол в Крыму [Хроника Быховца, 1975, с.160], Менгли-Гирея.

Обратимся только к нескольким татарским источникам, характеризующим отношения между Польшей и Крымом.

Крымский хан Менгли-Гирей в своем ярлыке от 1507 года, выданном польскому королю Сигизмунду Первому после подтверждения полномочия польского короля в отношении территорий, переданных Польше-Литве еще во времена правления Хаджи-Гирея, а также новых областей, вспоминает историю дружеских отношений между двумя сторонами, о чести, оказанной Хаджи-Гирею в Литве. Конец документа, правда, «несколько жестковат»: татарский хан требует уплаты дани за эти земли и угрожает в случае отказа начать войну и разорить литовские земли [Акты, 1848, прим. VII, 57].

Авторитет Крымского ханства на международной арене доказывает еще один более ранний документ – письмо Менгли-ирея турецкому султану от 1475 или 1476 года: Менгли-Гирей, подерживая турецкого султана Фатих Мехмеда в конфликте с Молдавией (Кара Бугданом), угрожает Польше ухудшением отношений в случае, если она в данном конфликте займет сторону Молдавии,

¹ Среди историков нет единого мнения по поводу подлинности этого произведения: одни считают его подделкой, сделанной в XIX в. (Stephen C. Rowell и др.), другие (Giedrė Mickūnaitė) оспаривают это мнение [см. Niendorf, 2010, s.67; Mickūnaitė, 2001, s.82–83, прим.12]. К истории литовских татар [см.: Исследование, 1957; Гришин, 2009; Mickūnaitė, 2001; Tyszkiewicz, 1989] и др.

а не султана. Об этом хан заявляет польскому посольству, а позже дает знать об этом султану в своем письме [Kurtoğlu, 1937, s.645–647; Kurat, 1940, s.91–95].

Итак, образ «диких татар», представший в момент завоевания тюрко-монголами западных территорий (пусть и запечатленный, возможно, в более позднее время, однако или на основе рассказов очевидцев, или же первого поколения тех самых очевидцев), претерпевает эволюцию: тюрко-монголы с установлением их власти над захваченными территориями, оказываются, судя по сообщениям источников, народом, которому не только не чужды «достижения цивилизации», имеющие место на Западе, но им свойственны даже определенные превосходства, заимствованные позже русскими княжествами (институт единого государства, правовая, налоговая системы и т.д. [Почекаев, 2009, с.176–210]). Тюрко-монголы являются держателями сильного государства с мощной военной силой, что было признано и Русью, которая назвала хана «царем», приравнивая его по статусу к римскому императору, и европейскими государствами. Улус Джучи рассматривался, благодаря своей военной мощи, как авторитетный союзник.

Естественно, этот свой авторитет тюрко-монголы удерживали силой, что, впрочем, не являлось особенностью только тюрко-монгольского государства. Страх перед тюрко-монголами сохраняется до падения последних государств – наследников Улуса Джучи. Хотя, как отмечает В. Рудаков, настроение Руси меняется после 1380 года, что отражается в поздних сообщениях летописцев: монголы не представляются больше непобедимыми, формируется новый взгляд, а именно осознается возможность борьбы с ними [Рудаков, 2009, с.176].

В сообщениях русских летописей второй половины XV века упоминания об Орде и татарах носят редкий и отрывочный характер. Как отмечает Ю.Селезнев, отношения Руси и Орды для летописца стали не столь актуальны, как в предыдущие годы. Орда становится для русских летописцев внешнеполитическим фактором. Другая причина – распыление внимания летописцев в связи распадом Орды на отдельные ханства [Селезнев, 2006, с.202–203]. Большая Орда теряет свое значение. Внимание русских князей заостряется на более опасных для них – Казанском и Крымском ханствах. Борьба против татар во второй половине XV в. снова представляется, как и в другие кульминационные моменты – в первой половине XIII века или перед Куликовской битвой – как борьба за христианскую веру, тюрко-монголы называются «погаными», «кровопийцами христианскими» [Повесть, 1982, с.514, 518]. Ставится под сомнение статус царя ордынского хана: так, архиепископ Вассиан в своем послании к Ивану III объявляет хана Ахмата самозванным царем, так как и Батый не был царем, и род его не был царским: «...иже пришед разбойничи и поплѣни всю землю нашу и поработи, и воцарися над нами, а не царь сый, ни от рода царьскана» [цит. по: Горский, 2000, с.173]. Таким образом, как заключает А. Горский, Вассиан не только объявляет Ивана III равным татарскому царю, но и отказывает в царском достоинстве всем Чингизидам [Там же].

Разумеется, в данном коротком выступлении невозможно детально осветить поставленный в начале вопрос. Он требует специального исследования, и не одного. Мы попытались поднять проблему, обращаясь отрывочно лишь к отдельным источникам, освещающим лишь отдельные периоды или события.

Созданный в Европе, включая и Россию, отрицательный образ татар, сохраняющийся в коллективном сознании и сегодня, является, в большей части, продуктом воздействия на общественное сознание историографии.

Анализ источников показывает, что образ «тюрко-монголов» был не только негативным: они изображаются по-разному, в зависимости от времени, места и цели написания сообщения. Если в первой половине XIII века они изображаются как еще малознакомый народ нейтрально или даже с некоторой симпатией (так как тюрко-монголы «справедливо» мстили «поганым» половцам), то после грозного и жестокого штурма Руси и Европы картина меняется: западные источники рисуют их как все еще незнакомых, но невиданных доселе злых диких варваров, «кровопролятелей христианьския», безбожников, практически «нелюдей», пришедших с Востока, чтобы жечь, с особой жестокостью убивать, опустошать все на своем пути.

Однако с течением времени тюрко-монголы регулируют свою власть над завоеванными территориями, к особенностям которой русские, позже и литовские князья быстро приспосабливаются. Монгольские ханы называются почтительно «царями». Они как представители верховной власти нередко решают судьбу русских князей и княжеств и представляют высший судебный орган. Распространенным явлением в период существования «тюрко-монгольских» государств были заключения союзов между ними и русскими княжествами, Литвой и Польшей против общих врагов. Таким образом, «тюрко-монголы» или «татары» в глазах Запада постепенно «перерастают» из диких степных

кровожадных варваров в называемых царями «держателей» сильных государств, играющих одну из ведущих ролей в международных отношениях средневековья, и авторитетных союзников.

Религиозная толерантность монгольских ханов, часто отмечаемая западными путешественниками, побывавшими в Каракоруме или Сарае, создавала образ властителя, более совершенного, чем западные правители. Вполне обычным явлением становится кровосмешение с тюрко-монголами, пусть и в политических целях: летописи весьма спокойно сообщают о монгольско-русских бракосочетаниях.

Негативный образ «диких татар» создан в годы походов тюрко-монгол в Восточную Европу, на что повлияла невиданная доселе масштабность этого более 5 лет длившегося военного мероприятия. В создании негативного образа тюрко-монголов на Западе, который закрепился в коллективном сознании на долгие века, сыграло свою роль и их большое культурное, языковое и религиозное отличие от европейских народов. Так, крестовые походы, осуществлявшиеся не менее жестоко, не оставили такого негативного воспоминания на Западе. Установлению отрицательного образа «тюрко-монголов» способствовала и необъективная односторонняя оценка исторических событий, связанных с ними, что в дальнейшем отразилось, к примеру, в художественной литературе, киномотографии, изобразительном искусстве Запада.

Объективную картину эволюции освещения образа тюрко-монголов в средние века может создать только дальнейшее разностороннее и детальное исследование источников и объективное освещение их истории как части евро-азиатской истории.

Список источники и литературы

Акты, 1848 – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т.2 (1506–1544). Санкт-Петербург, 1848.

Галицко-Волынская, 2005 – Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. СПб.: Алетей, 2005.

Голубинский, 1997 – Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т.2. Первая половина тома. Период второй, московский. М.: Общество любителей церковной истории, 1997.

Горский, 2000 – Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000.

Гришин, 2009 – Гришин Я.Я. Из истории татар Литвы и Польши (XIV – 30-е гг. XIX в.). Казань, 2009.

Дробинский, 1848 – Дробинский А.И. Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе // Исторические записки. 1948. № 26. С. 95–127.

Исследование, 1957 – Исследование о происхождении и состоянии литовских татар А.Мухлинского. СПб., 1957.

История, 1871 – История монголов Иника Магакии, XIII века. Изд. К.П. Патканов. СПб., 1871.

Исхаков, Измаилов, 2007 – Исхаков Д.М., Измаилов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: Школа, 2007.

Кляшторный, 1993 – Кляшторный С.Г. Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993. С.140–141.

Кривошеев, 2003 – Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургу ун-та, 2003.

Кычанов, 2002 – Кычанов Е.И. О некоторых обстоятельствах похода монголов на запад (по материалам «Юань ши») // Тюркологический сборник 2001. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2002. С.75–83.

Лаврентьевская, 2001 – Лаврентьевская летопись // Русские летописи. Т.12. Рязань: Александрия, 2001.

Лихачев, 1949 – Лихачев Д.С. Летописные известия об Александре Поповиче // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН. Т.7. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.

Матузова, 1979 – Матузова В.И. Английские средневековые источники. М.: Наука, 1979.

Новгородская, 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А.Н. Насонова. М.; Л.: АН СССР, 1950.

Новгородская, т.10 – Новгородская первая летопись старшего извода // Русские летописи. Т. 10.

Новгородская, 2001 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Рязань: Александрия, Узорожье, 2001.

Оболенский, 1850 – Оболенский М.А. Ярлык Хана золотой орды Тохтамыша к польскому Королю Ягайлу. 1392–1393. Казань, 1850.

Повесть, 1982 – Повесть о стоянии на Угре // ПЛДР: Вторая половина XV в. М., 1982. С.514–521.

Покровский, 2005 – Покровский М. Русская история. Т.1. М., СПб.: Полигон, 2005.

ПСРЛ, 1846 – Полное собрание русских летописей. Т.1. I. II. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846.

Почекаев, 2009 – Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: «Фэн», 2009.

Приселков, 1916 – Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг.: Научное дело, 1916.

Приселков, 1950 – Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., Л.: АН СССР, 1950.

Путешествия, 1967 – Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. М., 1967.

- Рудаков, 2009 – Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2009.
- Селезнев, 2006 – Селезнев Ю.В. Оценка русско-ордынских отношений в эпоху Ивана III // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т.1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С.202–270.
- Тизенгаузен, 1941 – Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том 2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромакевичем и С.Л.Волиным. М., Л.: АН СССР, 1941.
- Хроника, 1975 – Хроника литовская и жмойтская // Полное собрание русских летописей. Т.32. М.: Наука, 1975. С.15–127.
- Хроника Быховца, 1975 – Хроника Быховца // Полное собрание русских летописей. Т.32. М.: Наука, 1975. С.128–173.
- Усманов, 2002 – Усманов М.А. Об особенностях раннего этапа этнической истории улуса Джучи // Тюркологический сборник 2001. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2002. С.101–109.
- Annales Polonorum, 1961 – Annales Polonorum = Roczniki polskie // Monumenta Poloniae historica = Pomniki dziejowe Polski. Ed. A. Bielowski, MPH. T. II, 1872. Warszawa, 1961. S.783–816 (Rocznik kapitalulny krakowski, S.779–816).
- Gołębiowski, 1848 – Gołębiowski Ł. Dzieje Polski za panowania Jagiellonów. T. 3: Dzeje Polski za panowania Kazmiera, Jana Olbrachta i Alexandra. Warszawa: W Księg. I. Klukowskiego, 1848.
- Hotopp-Riecke, 2011 – Hotopp-Riecke M. Ikonografie der Angst. Deutsche Tatabilder im Wandel: Barbaren, Alliierte, Migranten. Dissertationsschrift im Turkologie. Institut für Turkologie, Freie Universität Berlin, 2011. – 423 S. (Handschrift)
- Jobst, 2007 – Jobst K.S. Die Perle des Imperiums. Der russische Krim-Diskurs im Zarenreich. Konstanz: UVK-Verlags-Ges., 2007. – 485 S.
- Kurat, 1940 – Kurat A.N. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırımve Türkistan Hanlarına ait yıllık ve bitikler. İstanbul: Bürhaneddin Matbaası, 1940. S.91–95.
- Kurtoğu 1937 – Kurtoğu F. İlk Kırım hanlarının mektupları. 2 – Mengli Girayın Fatih'e mektubu // Belleten. 1937. № 1. S.645–647.
- Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten, 1855 – Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Hg. von F.G. von Bunge. [Abt. 1], Bd. 2, Reval, 1855. – XVI S., 776 Sp., S.777–830.
- Mickūnaitė, 2001 – Mickūnaitė, Giedrė. Ruler, Protector, and a Fairy Prince: the Everlasting Deeds of Grand Duke Vytautas as Related by the Lithuanian Tatars and Karaites. In: Oral History of the Middle Ages: The Spoken Word in Context. Hrsg. Jarlitz, Gerhard and Richter, Michael. Krems, Budapest, 2001. S. 79–87.
- Muchliński, 1858 – Muchliński A. Zdanie sprawy o Tatarach litewskich: Przez jednego z tych Tatarów złożone sultanowi Sulejmanowi, w r. 1558. Z jęz. Turec. przełożył, objaśnił i materiałami hist. // Teka Wileńska, 1858, № 4, 241/1–269/29.
- Niendorf, 2010 – Niendorf, Mathias. Das Großfürstentum Litauen: Studien zur Nationsbildung in der Frühen Neuzeit (1569–1795). Wiesbaden: Harrassowitz, 2010.
- Osterhammel, 1998 – Osterhammel, Jürgen. Die Entzauberung Asiens: Europa und asiatische Reiche im 18. Jahrhundert. München: C.H. Beck, 1998.
- Osterrieder, 2005 – Osterrieder, Markus. Das wehrhafte Friedensreich: Bilder von Krieg und Frieden in Polen-Litauen (1505–1595). Wiesbaden: Reichert, 2005.
- Paczensky, 1994 – Paczensky, Gert v., Dünnebie, Anna. Leere Töpfe, volle Töpfe. Die Kulturgeschichte des Essens und Trinkens. München: Albrecht Knaus, 1994.
- Petersdorf, 2006 – Petersdorf, Winand von. Die Russen kommen! // Frankfurter Allgemeine. Sonntagszeitung. № 40. 2006.
- Schmidt, 1881 – Schmidt, Carl. Einblicke in das Ferghana-Thal. SPb., 1881.
- Schmieder, 1994 – Schmieder, Felicitas. Europaund die Fremden: die Mongolen im Urteil des Abendlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert. Sigmaringen: Thorbecke, 1994.
- Schmieder, 2000 – Schmieder, Felicitas. Wenn die Tataren kommen. Endzeitliche Umdeutungen: Wie die mongolischen Reiter vom Feind zum Freund wurden // Das 13. Jahrhundert. Kaiser, Ketzler und Kommunen. Hg. von Michael Jeismann. München: Das Jahrtausend, III, 2000. S.53–57.
- Schmieder, 2001 – Schmieder, Felicitas. Das Eigene, das Fremde und das Andere: Fremd- und Selbstbilder – Faszination und Distanzierung / Die soziale Praxis: Konfrontation und Ausgrenzung, Assimilation und Integration // Lebenswelten. Quellen zur Geschichte der Menschen in ihrer Zeit, 2: Alteuropa 800 bis 1800. Hg. von Gerhard Fouquet und Ulrich Mayer, Stuttgart, 2001, 4.1 und 4.2. S. 222–241.
- Tarīh-i Peçevī, 1980 – Tarīh-i Peçevī. Peçevī Ibrahim Efendi. Hrsg. Derin, F., Čavuk, V. Istanbul, 1980.
- Tyszkiewicz, 1989 – Tyszkiewicz, Jan. Tatarzy na Litwie i w Polsce: studia z dziejów XIII–XVIII w. Warszawa: Państwowe Wydawnictwi Naukowe, 1989.
- Vajda, 1999 – Vajda, Lazlo. Ethnologia, Wiesbaden, 1999.
- Wakounig, 1992 – Wakounig, Marija. Das Bild der Türken und Tataren bei Johannes Schiltberger // Prace historyczne. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prag, MLXVI/102, 1992. S.117–124.
- Weiers, 1980 – Weiers, Michael. Die Mongolen: Beiträge zu ihrer Geschichte und Kultur. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1980.